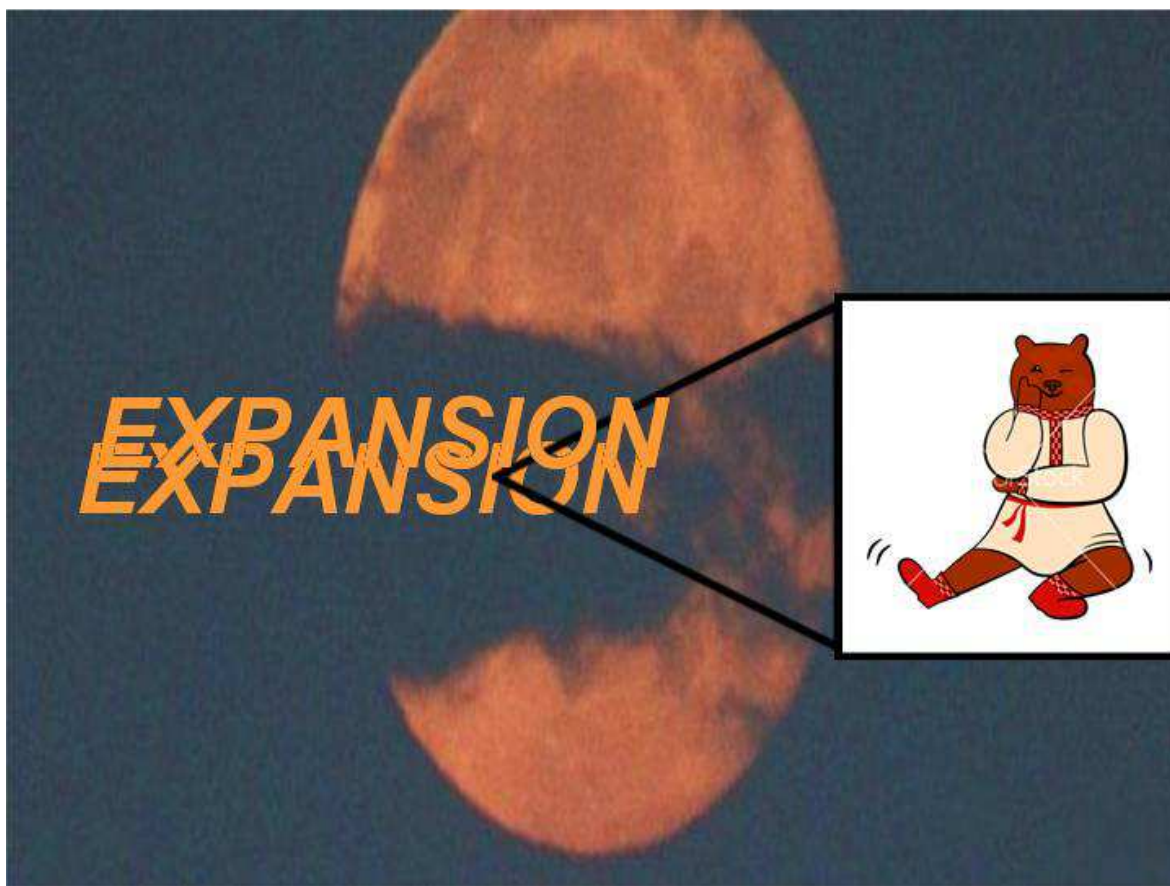

Тема 5. Экспансия Российской империи: векторы и цели

К середине XIX века импульс, данный мировой экономике индустриальной революцией, был исчерпан. На европейском и североамериканском рынках начался застой – эти рынки больше не расширялись. С тех пор рост капиталистического накопления находился в прямой зависимости от расширения границ империй. Россия участвовала в этом процессе расширения границ – наряду с Британией, Францией, Бельгией, Германией и Японией.

Исчерпав все «ничейные» территории, *экспансия* империй должна была приводить к учащению конфликтов по поводу передела сфер влияния. Повсюду в Европе ученые и просто заинтересованные деятели и группы пытались выявить основные закономерности и движущие причины новых международных конфликтов, а также старались наметить их контуры.

Обоснования европейской экспансии.

В 1870-1880-х гг. идейным течением нового типа, обосновывающим, с одной стороны – имперскую экспансию, а с другой – стремление к национальному обособлению стал *панславизм*.

Идеология панславизма рождалась как результат формирования региональных элит в составе Османской и Австро-Венгерской империй. Но в России это течение так и не стало частью официальной политической идеологии.

Россия, как известно, способствовала отделению от Османской империи населенных славянами балканских территорий и образованию национальных государств, в частности, в ходе русско-турецкой войны 1877-1878 гг.) .

И в то же время Российская империя удерживала славян-поляков от отделения в собственное государство, безжалостно подавляя все польские восстания.

Панславизм – идеология, которую разделяла значительная часть образованных слоев русского общества, разумеется, использовался как средство обеспечения имперской экспансии.

В своем российском варианте *панславизм* предполагал политическую консолидацию всех славянских государств под эгидой Москвы. На роль панславистского центра претендовали еще славяне Австро-Венгрии, но они не составляли там титульной этнической общности. Претендовали и поляки, но те тогда вообще не имели собственного государства.

В 1871 г. в России выходит первое издание книги Н.Я.Данилевского «Россия и Европа», в которой автор доказывает следующее. Ою мировой борьбы отныне будет не борьба Европы с Азией, и не Запада с Востоком, а столкновение романо-германского и греко-славянского *культурно-исторических типов*. Версия Данилевского – попытка представить панславизм как науку, дать ему «объективное» истолкование.

Эта версия не беспочвенна. Крымская война действительно показала, что против «нарушителя внешнеполитического порядка» могут создаваться крупные коалиции европейских империй. Данилевский посчитал, что основания для создания подобных коалиций дают глубокие культурные различия историко-этнографического характера. С его точки зрения, именно такие различия толкнули Англию и Францию к объединению против России.

В 1875 г. появляется иное толкование причин минувших и предстоящих конфликтов – работа К.Н.Леонтьева «Византизм и славянство». Леонтьев утверждает: этническая составляющая славянства слишком слаба, чтобы поддерживать коалицию против «европейства». В то же время ряд славянских народов следует признать скорее европейцами, чем представителями славянства. Единственное основание для объединения славян – это поддержание идейного единства, культурно-бытовое обособление от Европы, и – что важно – отказ от «панславизма». Под «идейным единством» славян понималась приверженность православию и самодержавию. Отказ от панславизма позволял, по мнению Леонтьева, привлечь в славянскую коалицию народы Востока.

Однако уже франко-прусская война 1870-1871 гг. существенно ослабила доверие к версии о естественном единстве внутри «романо-германской цивилизации», а Союз трех императоров с его тремя договорами явно не подтверждал представление о непреодолимых различиях культурно-исторических типов. Скоро увидели, что спасенная русской армией от турок славянская православная Болгария предпочла уже в 1886 г. покровительство католической и протестантской Германии дружбе с православной Россией – яркое противоречие с картинами идейного и религиозного единства славянской общности.

Возможно, идеология «панславизма» и «византизма» была только ответом на *расистские* доктрины, которые во второй половине XIX века распространились в Европе.

Расизм – совокупность воззрений, центральной частью которых является учение о *полноценных и неполноценных расах* или народах. Важнейшей чертой расизма является представление о том, что интеллектуальные возможности и моральные качества индивидов и целых сообществ наследуются биологически.

В 1855 г. на Западе выходит книга Жозефа Гобино «О неравенстве человеческих рас». Борьбу рас Гобино объявил движущей силой развития народов, социальное неравенство – естественно вытекающим из расовых различий. По Гобино, «белая раса» природой приспособлена господствовать над «желтой» и «черной», поскольку более других способна к культурному развитию а конфликты и противостояния в мире вызваны межрасовыми различиями. Все эти высказывания сделали книгу скандально знаменитой и создали автору множество последователей (Жорж Лапуж, Хьюстон Чемберлен и др.). Последователи утверждали, что «опиумные войны» в Китае и военное продвижение

европейцев в Центральную Азию и Центральную Африку доказывают расовую трактовку экспансии империй.

Своеобразной альтернативой расизму в трактовке игры мировых сил были *геополитические* представления о природе назревавших противоречий, возникшие концу XIX века в Европе и в США.

Геополитика – совокупность представлений, которые ставят политические возможности, предпочтения и действия государства в зависимость от его географического расположения: близости к акваториям, рельефа местности, ландшафтных особенностей, доступа к природным ресурсам и т.д.

В 1890-е гг. появляется книга Альфреда Мэхэна «Влияние морской силы на историю», книга Фридриха Ратцеля «Политическая география», а в начале XX в. – работа Хэлфорда Джона Маккиндера «Географическая ось истории». Общее там – противопоставление двух типов государств: А) «морских», чья мощь основана на торговом и военном судоходстве и Б) «сухопутных», чья сила – в обширности континентальной территории. Авторы трудов по геополитике ожидали складывания военно-политических коалиций именно по географическому принципу.

Однако историческая конкретика не подтверждала ни ту, ни другую трактовку. Во второй половине XIX века коалиция, состоявшая как из «морских», так и из «сухопутных» стран обрушилась сначала на Китай (сухопутную страну) – развязав против него «опиумные войны», а затем на Японию (морскую страну) – в ходе знаменитого вторжения эскадры адмирала Перри и последующего «вскрытия» японской самоизоляции.

Сразу вслед за этим Германия и Англия (страны «белой расы») начали активно способствовать вооружению Японии («желтой расы») против России («белой расы»).

В это же время на юге Африки вспыхнули англо-бурские войны («белые» англичане свирепо сражались против «белых» голландских переселенцев).

Тогда же в Европе складывается *Антанта* – коалиция, в которой в одной «упряжке» собираются сражаться «морская» Британия, «полуморская» Франция и «сухопутная» Россия. Далее мы увидим: обе коалиции, действовавшие в ходе Первой мировой войны – Антанта и Четверной союз – являли собой пестрое смешение «германцев» и «негерманцев», «европейцев» и «азиатов», «морских» стран и «сухопутных». Очевидно, что ни расистские концепции, ни геополитика оказались не в состоянии объяснить, по какому принципу проходит разлом в ходе мировых конфликтов. Неужели же соблюдается только принцип «каждый против каждого» и нельзя выявить никаких общих моментов, повторяющихся и устойчивых связей?

Циклы экспансии и конфликтов.

Бросается в глаза, что международные события XIX века разворачивались так, что в целом как бы соблюдался принцип британской внешней политики «сдержек и противовесов на континенте». Другими словами, ни одно государство в пределах континентальной Европы не должно было усиливаться настолько, чтобы стать в состоянии бросить вызов Британии.

Усиливающиеся государства: наполеоновская Франция (в ходе наполеоновских войн начала XIX в.), затем николаевская Россия в Крымской войне (1853-1856 гг.) были побеждены и ограничены в возможностях экспансии при помощи коалиций, которые сколачивались именно Британией.

И к началу XX века, при всей запутанности международных отношений того времени, Европа вновь подошла расколотой на две коалиции – как раз в духе «сдержек и противовесов». Одна из коалиций могла или быть, или казаться сильнее, другая – слабее. Важен результат: континентальная Европа опять была расколота и ослаблена в сравнении с Британской империей – той самой, над которой «никогда не заходило солнце».

А что Россия? Несмотря на разгром и унижение Крымской войны, несмотря на повторяющиеся «прогерманские» колебания, Россия каким-то образом опять оказалась союзницей Британии. В центре Европы Россия и Франция противостояли усиливающейся Германии, а на Дальнем Востоке в систему «сдержек и противовесов» добавлялась Япония, поддерживаемая Британией и сдерживая там, кстати, Россию.

Как и в предыдущий период крупных европейских потрясений (наполеоновские войны), возрастание напряженности в Европе было связано с тем, что сразу множество участников миросистемы стремилось повторить успех гегемона (в предыдущий раз – Голландии середины XVII-конца XVIII вв., на сей раз – Британии 1830 -1880-х гг.). Как и в прошлый раз, стремление «повторить успех» Британии вылилось в подготовку к войне крупных европейских коалиций.

Сама же подготовка стала «золотым дном» финансовой экспансии, то есть вывоза капитала. При этом французские и бельгийские банки выступали как дочерние ответвления Лондонского Сити. Всякий раз: чем ближе Европа подходила к новой коалиционной войне, тем слабее становился прежний гегемон миросистемы (Голландия тогда, Британия теперь). Сама назревающая война означала, что гегемон больше не может поддерживать международный порядок, выгодный как для себя, так и для других влиятельных участников.

Как и в прошлый раз (в конце XVIII в.), усиливается страна, претендующая на главенство в континентальной Европе. Тогда это была Франция, теперь (вторая половина XIX в.) – Германия. С другой стороны находится пробританская коалиция, противопоставленная претенденту – Германии. При этом действующему гегемону (Британии) приходится идти на уступки, разрушающие прежний международный порядок. Так, например, англичанам пришлось закрыть глаза на самовольную отмену Россией «нейтрализации» Черного моря, а в дальнейшем, уже в ходе Первой мировой войны даже пообещать русским контроль над черноморскими проливами. Что поделаться, сейчас Россия была Британии так нужна в качестве союзника! Однако основные выгоды из начавшегося противостояния извлекает не гегемон (Британия), и не претендент в гегемоны (Германия), а страна, участвующая в мир-экономике, но наиболее удаленная от европейского конфликта.

В прошлый раз (наполеоновские войны) это была Британия, находящаяся за Ла-Маншем, теперь (Первая мировая война) – США, находящиеся по ту сторону Атлантики.

Российская экспансия на общем фоне.

Следует точно определить характер российской экспансии второй половины XIX в. Это была экспансия особого рода. Во второй половине XIX в. Российская империя стремилась организовать свое присутствие в устье Дуная, в глубине Центральной Азии, контролировать турецкие черноморские проливы, закрепить за собой Закавказье, продвигать влияние на северо-востоке Китая. Видим, таким образом, разновекторное желание расширяться, включать в свой состав все новые и новые территории.

И в то же время – Россия уходит с Аляски и калифорнийского побережья Северной Америки. Уходит с заморских, находящихся в Северной Америке колониальных владений, сдает их без боя. Подобного никогда не делала ни одна европейская держава.

Заморские колонии всегда играли роль собственного периферийного сектора империй. Например, американские колонии Англии и Франции поставляли сырье и покупали промышленную продукцию метрополии.

При любом удобном случае европейские страны старались укоренить собственные поселения на отдаленных, так сказать, «ничейных» землях. Так поступали не только Англия и Франция, но и Голландия, Испания, Португалия, а в рассматриваемый период – Германия.

В случае угрозы для таких территорий со стороны кого-либо из соперников везде в Европе нашлись бы влиятельные группы, которые заставили бы свое правительство вести

войну. В России же Аляска оказалась никому не нужна и была отдана без противодействия. Почему?

Причин две. Первая. За более чем полувековое владение Аляской в России так и не сложились устойчивые центр-периферийные отношения с ней. Практики сгона населения, наподобие знаменитых английских «огораживаний» или в ходе религиозных войн/гонений в России не существовало. Отчасти и поэтому русским не удалось заселить Аляску, превратить её в часть собственно российского хозяйства, как это случилось, например, с вест-индскими колониями Англии середины XVII-середины XVIII вв.

Вторая причина, почему Аляска оказалась не нужна России, заключалась вот в чем. Принятая при Александре II «американская модель» индустриализации предполагала опору на рынки, скорее, внутри страны; выбрав эту модель, царское правительство избавилось от атрибутов «английской модели» (заморских территорий), которую оно, как и ряд других стран, до того пыталось копировать.

Реплика. Казалось бы, сюда не вписываются российские завоевания в Средней Азии. Но Средняя Азия едва ли рассматривалась в России как ценность сама по себе. Ее приобретение нужно было сначала как ключ к доступу в Индию, а потом – как ключ к Персидскому заливу.

Однако расширение продолжалось. В начале XX в. Российская империя старается расширить сферу своего влияния на юго-запад, юг и восток, стремится получить доступ в обход сильных посредников (Германия, Турция) к незамерзающим акваториям Средиземного, Аравийского, Желтого морей. Для этого Россия рвется на Балканы и к черноморским проливам, тянет Транссиб и КВЖД.

Сорок лет подряд российское железнодорожное строительство было направлено на создание единого экономического пространства, внутреннего рынка. Но в гораздо большей степени железные дороги способствовало полномасштабному включению России в систему мирового рынка.

Попытка российского военно-аристократического государства¹ догнать ведущие европейские страны на пути модернизации толкнула Россию к закреплению аграрно-сырьевой специализации. Логика была такая. Чем больше нужно было заимствовать – тем больше страна вовлекалась во внешнюю торговлю, тем больше аграрного сырья поставляла на внешние рынки.

Существуют два пути повышения стоимости того, что продается: (1) можно добиваться монополизации поставки и (2) можно стараться продавать товар без посредников. В рассматриваемый период Российская империя двигалась по второму пути – предпринимала попытки уменьшить число посредников на своих торговых путях. Каким образом? Преимущественно через силовые внешнеполитические действия.

Во время развертывания строительства Юго-Западной железнодорожной системы (цель – соединить российское Черноземье с портом Одессы) вспыхнула русско-турецкая война, направленная на взятие под контроль черноморских проливов и завоевание позиции в устье Дуная – важнейшей европейской незамерзающей магистрали. В период строительства Транссиба и КВЖД видим попытки военным путем обеспечить присутствие России в незамерзающей акватории восточных морей. Порт Дальний на Ляодунском полуострове и порт Чемульпо на Корейском полуострове как раз и были «воротами», открывающими для России непосредственную океанскую торговлю на Дальнем Востоке.

Ни та, ни другая попытки не увенчались желаемым успехом: на юго-западе Россия была остановлена иницированными Британией дипломатическими мерами, а на востоке потерпела поражение от Японии (за спиной которой стояла та же Англия).

¹ Правящий слой Российской империи и в начале XX века в значительной степени был представлен дворянством (военной землевладельческой аристократией), и руководствовался интересами этого «благородного сословия».

Таким образом, в течение XIX века России не удалось скопировать «британскую» модель развития. В этой модели важны заморские колонии. Россией же заморские колонии (Аляска, русская Калифорния, Курилы) утрачиваются, а с ними пропадают надежды на ёмкие внешние рынки для российской промышленности.

Не была скопирована Россией и американскую модель расширения внутреннего рынка. Во второй половине XIX века сколько-нибудь заметно расширить российский внутренний рынок не удалось.

В то же девятнадцатое столетие Россия не смогла выйти к незамерзающим морям. Остались и посредники, избавиться от них не получилось. Поэтому «буксовала» и намеченная модель собственного успеха – развиваться через наращивание экспорта аграрного сырья в обмен на ввоз технологий и капиталов.

Схематично данный проблемный узел можно представить так:

Рисунок...

Схема отражает существенный переход во внешней политике Российской империи. После Наполеоновских войн и вплоть до конца XIX века российские власти пытались обыграть Британию. И везде получали половинчатый результат. На Черном море Россия сохранила за собой Крым, но не получила проливы. На Кавказе пробила дорогу в Закавказье, но не смогли закрепиться в Персии. В Средней Азии русское наступление было остановлено британцами у границ Афганистана. Британия себя переиграть не дала.

«Большая игра»: мотор экспансии.

Это русско-британское противостояние XIX века получило в исторической литературе обозначение: «*Большая Игра*». В рамках «Большой игры» Россия пробовала блокироваться с центрально-европейскими державами (Австро-Венгрией и Германией) – против Англии. Однако в конце XIX-начале XX вв. вектор ее политики резко меняется: Россия сближается с Францией и Англией – против Германии.

Что толкало Россию к экспансии, и что являлось причиной «переключения» её внешнеполитической ориентации?

К середине XIX в. Российская империя не поспевала идти в ногу со странами-лидерами Европы. Скорость заимствования европейских образцов (то есть ввоза

технологий и капиталов) объективно становится главным параметром, определяющим величину геополитического успеха царского правительства².

Этот параметр (скорость заимствования), напрямую зависевшая от прибыльности внешней торговли, меняется.(1). Чем дальше, тем больше Россия экспортирует аграрную продукцию. Но если в начале XIX века русская рожь была почти полным монополистом рынка продовольствия для быстро урбанизовавшейся Европы, то во второй его половине положение изменилось. Зерновой рынок превратился в высоко-конкурентный. , На него успешно вышли США, Канада, Аргентина. Теперь аграрный (непромышленный) характер внешней торговли уменьшал прибыльность этой торговли для России(2).

Назревший переход к экспорту промышленной продукции требовал существенного увеличения промышленного потенциала страны. Но для развития промышленности России в первую очередь нужен был собственный ёмкий внутренний рынок (3). Его развитие означало бы и быструю урбанизацию по образцу Западной Европы, следовательно, и переориентацию аграрного сектора на собственные нужды.

Однако из-за периферийного геоэкономического положения России в ней образовалась связка сил *«землевладельцы-помещики/самодержавная власть/поземельная община»*, которая сужала внутренний рынок и приводила, как уже отмечалось, к «аграрному перенаселению». Поэтому скорость ввоза в страну технологий и капитала оказывалась недостаточной для того, чтобы, в свою очередь, расширять внутренний рынок и замкнуть контур самовозрастающих величин(4).

По логике вещей, к развитию внутреннего рынка должно было вести развитие путей сообщения (масштабное железнодорожное строительство) (5). Но в условиях отставания России строительство железных дорог вело одновременно к упрощению и облегчению аграрного экспорта, еще больше усиливая неблагоприятную специализацию – страна продолжала выступать на внешнем рынке преимущественно в качестве поставщика аграрного сырья(6).

Выходит, сам способ заработать на модернизацию (экспорт сельскохозяйственного сырья) вел к отставанию, и при этом избавиться от этого способа не представляется возможным. Выход нашли в том, чтобы уменьшать «накрутки» посредников того товара, с которым Россия выходила на внешний рынок. Например, через крупнейший в империи Рижский порт Россия транспортировала зерно в ту же Британию – но оно уплывало в основном на немецких судах (торговый флот Германии господствовал на Балтике). Через Одессу Россия перебрасывала зерно в Средиземноморье – но через пошлины по турецким тарифам(7). Развитие путей сообщения ещё больше усиливало неблагоприятную роль посредников на основных направлениях (8). Проблему посредников царское правительство пыталось решить путём территориальных приращений, стремясь поставить под политический контроль нужные территории, и тем самым от посредников избавиться(9). Борьба с торговыми посредниками – вот смысл российской экспансии второй половины XIX в.

Показательно, что одновременно Россия избавляется от Аляски. Российской власти в это время интересуют не территории сами по себе, а только такие территории, которые гарантировали бы ей непосредственную торговлю.

Однако отставание мешает и здесь: успешные завоевания находятся в прямой зависимости от скорости развития (10), Слабые, отсталые ханства Средней Азии относительно легко вливаются в состав Российской империи, зато за спиной Турции оказываются Франция и Британия, а за раздробленным, ослабленным Китаем – быстро набирающая темпы Япония (и опять-таки Британия). С теми территориями (например, Балканы), контроль над которыми может решить проблему посредников, у России ничего не выходит. Знаменитая английская система «сдержек и противовесов» делает для России

² Под геополитическим успехом здесь понимается способность вести вооруженную борьбу с сильными противниками, расширять территорию, отстаивать интересы державы в ключевых районах.

невозможной экспансию как раз в тех направлениях, которые наиболее важны для путей русского зернового экспорта: Балтика, черноморские проливы, Дальний Восток. (11)

Итак, Россия меняет зерно на развитие. Рынок зерна становится все более конкурентным. Рост конкурентности порождает стремление обойти посредников. Не выходит. Как быть?

Но ведь зерновой рынок стал высоко-конкурентным не сам собой. К началу XX в. в Европе и Северной Америке выросли урбанизированные промышленные центры, конкурирующие с Британией, и в первую очередь – Германия – набравший силу конкурент Британии на континенте и в колониях. Великобритания действовала против Франции на рубеже XVIII-XIX вв. и против России в середине XIX в.. Точно так же Британия начинает теперь разворачивать свою систему европейского сдерживания против Германии.

Вот смысл новой коалиции. Участие в военно-политическом союзе с Британией открывало теперь для России возможность «договориться насчёт посредников», поскольку и в Крымской, и в русско-турецкой, и в русско-японской войнах за спиной всех врагов России стояла именно Англия. Другими словами, участие в большом союзе при главенстве Британии обещало России возможность политико-дипломатическими мерами решить тот вопрос, который она не смогла решить силой оружия – минимизации посредников на торговых путях..

ЗАДАНИЯ

Вспомните определения

- ✓ экспансия
- ✓ панславизм
- ✓ гегемон
- ✓ «нейтрализация» Черного моря.

Дайте определения

- ✓ культурно-исторические типы
- ✓ расизм
- ✓ геополитика
- ✓ «Большая игра»

Подготовьте сообщения

- ✓ Итоги русско-турецкой войны 1877-1878 гг.
- ✓ Вехи истории Польши в XIX веке.
- ✓ Причины и итоги франко-прусской войны.
- ✓ Союз трех императоров: договоры 1873, 1881, 1884 гг.
- ✓ XX век: противостояние России и Британии.

Выберите тему микро эссе

- ✓ Союзники и противники России в XIX веке.
- ✓ Внешняя торговля и внешняя политика: связь между ними.